

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

LANGUAGE CONTACTS

УДК 81'272

DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-56-63

АМЕРИКАНСКИЕ СИНОНИМЫ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Владимир М. Алпатов

Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

Лексическая система современного японского языка делится на три подсистемы: ваго, канго и гайрайго. Ваго – исконные слова, канго – древние заимствования из китайского языка или слова, составленные в Японии из комбинаций китайских корней. Особый слой канго образовался, когда не имевшие до того письменности японцы заимствовали иероглифы (древнейшие памятники относятся к VII–VIII вв.), а вместе с иероглифами из Китая заимствовались и их чтения, подвергшиеся фонетической адаптации. В японском языке иероглиф, как правило, получал китайское, заимствованное и японское, подобранное по смыслу чтение (тех и других чтений могло быть более одного). Китайское чтение обычно соответствует корню. Большинство канго – книжные слова, которых много среди терминов. Их значение понятно в иероглифической записи, но не всегда на слух. Гайрайго – слова, заимствованные из западных языков начиная со второй половины XIX в. Большинство гайрайго заимствованы в японский язык из английского языка, они связаны с иероглифической письменностью. Количественное превосходство заимствований из английского языка стало еще более значительным в период американской оккупации и сохраняется до сих пор. Конкуренция синонимов почти всегда заканчивается победой американизмов, которые понятнее на слух, чем канго, но, прежде всего, распространение гайрайго отражает американизацию современного японского общества. Постоянна ассоциация гайрайго с современностью и престижностью, а слов иного происхождения – с отсталостью и бедностью. В том числе значительное распространение гайрайго заметно в рекламе.

Ключевые слова: японский язык, ваго, канго, гайрайго, заимствования, английский язык, американизация

AMERICAN LOAN-WORDS IN JAPAN

Vladimir M. Alpatov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The lexical system of modern Japanese is divided into three subsystems: wago, kango and gairaigo. Wago are the primordial words, kango are the ancient loan-words from Chinese or the words constituted in Japan from a combination of Chinese roots. The special layer of kango was formed when the Japanese, who had not had a written language before, borrowed hieroglyphs (the oldest monuments date back to the 7th-8th centuries), and along with the hieroglyphs, their readings were borrowed from China, subjected to phonetic adaptation. In Japanese, the hieroglyph, as a rule,

received borrowed Chinese and Japanese readings chosen according to the meaning (there could be more than one of those readings). The Chinese reading usually corresponds to the root. The majority of kango are bookish words; they are connected with the hieroglyph script. Their meaning is clear in hieroglyphic writing, but not always by ear. Gairaigo are words that have been borrowed from Western languages since the second half of the 19th century. Most gairaigo are borrowed into Japanese from English and associated with hieroglyphic writing. The quantitative superiority of English borrowings became more significant during the period of the American occupation and remains to this day. The competition of synonyms almost always ends with the victory of Americanisms, which are more audible than kango, but the spread of gairaigo reflects the Americanization of modern Japanese society. There is a constant association of gairaigo with modernity and prestige, words of different origin are associated with backwardness and poverty. Significant spread of gairaigo is noticeable in advertising.

Keywords: *Japanese, wago, kango, gairaigo, loan-words, English, Americanization*

Безусловно, в любом языке есть синонимия. При этом конкуренция синонимов – один из основных видов конкуренции в языке; эта конкуренция обычно приводит либо к исчезновению или переходу на периферию части синонимов, либо к дифференциации синонимов по значению. Одна из главных причин появления синонимов – заимствование лексических единиц, передающих значения, для номинации которых в языке уже есть какие-то средства (или, наоборот, придумывается исконный эквивалент для уже имеющегося заимствования, ср. *хавбек* и *полузащитник*, *геликоптер* и *вертолет*).

Японский язык обычно оценивают как язык с развитой синонимией, которая в целом устойчиво сохраняется и наличие синонимов тесно связано с происхождением лексем. Причины этого видят в наличии трех лексических подсистем: исконной лексики (*ваго*, т.е. «японские слова»), китаизмов (*канго* «китайские слова») и слов, взятых из западных языков, преимущественно английского (*гайрайго*, т.е. «слова, пришедшие извне», или, как стали говорить в последнее время, *катаканаго* «слова, пишущиеся азбукой *катакана*»).

Особый слой *канго* образовался, когда не имевшие до того письменности японцы заимствовали иероглифы (древнейшие памятники относятся к VII–VIII вв.), а вместе с иероглифами из Китая заимствовались и их чтения, подвергшиеся фонетической адаптации. В японском языке иероглиф, как правило, получал китайское, заимствованное и японское, подобранное по смыслу чтение (тех и других чтений могло быть более одного). Китайское чтение обычно соответствует корню; среди *канго* есть лексические заимствования из китайского языка, но большинство их образовано в Японии из корней китайского происхождения.

Слова класса *ваго* чаще относятся к общеупотребительной, бытовой или поэтической лексике, среди них мало терминов. На письме *ваго* передаются либо иероглифами (корни слов), либо одной из двух употребительных японских азбук – хираганой (окончания, служебные

слова, некоторые наиболее употребительные слова). А среди *канго* преобладают книжные слова, нередко непонятные на слух, но легко воспринимаемые в иероглифической записи. Канго всегда были связаны с книгой и письменной, иероглифической культурой.

В результате в японском языке имеется много пар сходных по значению ваго и канго. Обычно они либо записываются тем же иероглифом, по-разному читаемым, либо ваго пишется одним иероглифом, а канго – двумя иероглифами, один из которых тот же самый. Однако замена одного синонима (точнее, квазисинонима) на другой чаще всего невозможна, поскольку близкие по значению канго и ваго относятся к разным сферам. Например, эквивалентом русского *сердце* обычно считается японское ваго *kokoro*. Однако это обиходное слово издавна соответствовало переносным значениям соответствующего русского слова (переводиться может и как *дух* или *душа*). Сердце же как человеческий анатомический орган – канго *shinzo* (слово, появившееся лишь в XIX в.). Часто ваго и канго сходны по значению, но термином бывает лишь китаизм, а исконное слово имеет обиходную и менее определенную семантику. Ваго *kotoba* может значить и *слово*, и *речь*, и *язык*, но в обиходной речи, а не в качестве лингвистического термина (по крайней мере, с XIX в.). В терминологическом же значении *слово* – *go* или *tango*, *язык* – *gen*, все это канго. При этом *kokoro* и *shin* в *shinzo* пишутся одним и тем же иероглифом, как и *hito* и *nin* в *ningen*, *kotoba* и *gen* в *gen*.

Итак, в японском языке имеется много пар ваго и канго. Однако даже при однотипном значении замена одного слова на другое чаще всего невозможна в связи со стилистическими факторами, а многие члены пар не являются синонимами, хотя имеют сходство в значении. Наличие таких пар значительно увеличивает число японских лексем, однако из этого прямо не следует то, что слов там больше, чем, скажем, в русском языке.

С начала европеизации во второй половине XIX в. до 1940-х годов новая культурная лексика большей частью формировалась путем создания новых канго. Однако приходившие из Америки и Европы предметы материальной и бытовой культуры чаще всего стали обозначаться с помощью *гайрайго*, которые в подавляющем большинстве случаев писались и пишутся до сих пор одной из двух японских азбук – катаканой, не имея иероглифической записи. Сразу после «открытия» Японии в 1850-х годах стали преобладать заимствования из американского варианта английского языка. Посетивший Японию в 1926 и 1932 гг. советский писатель Б.А. Пильняк замечал, что Япония не европеизируется, а американизируется [Пильняк, 1935: 150]. Количественное превосходство заимствований из английского языка стало еще более значительным в период американской оккупации (1945–1952) и сохраняется до сих пор.

Конкуренция одинаковых или близких по значению слов разного происхождения началась сразу, как только гайрайго стали массовым явлением. При этом, несмотря на то что гайрайго никогда не составляли бóльшую часть лексики (в газетах в среднем к ним в 1960-е годы относились 4% слов, сейчас несколько больше), конкуренция синонимов почти всегда заканчивалась их победой. Отдельные исключения могли быть лишь результатом специальных мер. Наиболее активно эти меры принимались в годы японского милитаризма (1920–1940-е годы). Для бейсбола (игра, популярная в Японии примерно так же, как футбол у нас) было тогда придумано канго *yaquuu* (составлено из морфем со значением ‘поле’ и ‘мяч’), которое хорошо прижилось; впрочем, другие бейсбольные термины остались по происхождению американскими.

И в наше время бывают попытки ограничений в употреблении гайрайго, в том числе в деятельности полугосударственной радио- и телекомпании NHK, поскольку злоупотребления ими вызывают протесты зрителей [NHK, 1984, 8: 20]. Ограничения не касаются лишь собственных имен. Многим зрителям не нравится как непонятность многих заимствований, так и их чужеродность.

И все же чаще всего гайрайго вытесняют ранее образовавшиеся синонимы. Такой процесс начался еще до войны: например, еще тогда канго *hooka-shutaku* заменилось на *apaato* (из *apartment*) в качестве обозначения многоквартирного дома европейского типа [Iwabuchi, 1993: 8]. Затем гайрайго *roon* ‘заем’ из *loan* вытеснило старое канго *syakkin*, вызывавшее плохие ассоциации [Honna, 1995: 53; Sotoyama, 1993: 53]; по этой же причине *geppi* ‘кредит’ заменилось синонимом *kurejitto* [Sotoyama, 1993: 53]. В целом созданные до войны кальки – канго сейчас в значительной степени заменены гайрайго [Stanlaw 2004: 79]. Фотоаппарат когда-то именовался канго *syashinki*, но теперь это разве что старомодный пластиночный аппарат, современная модель – только *kamera*. То же обычно происходит и там, где конкурируют одновременно появившиеся синонимы для обозначения новых понятий: в значении ‘стыковка (космических аппаратов)’ недолгая конкуренция в конце 1960-х годов вновь изобретенного канго *renketsu* и гайрайго *dokkingu* вскоре закончилось победой последнего. До европеизации японцы не употребляли в пищу молоко (и даже в 1970-е годы пили его не так часто). Появилось канго *gyuunyuuu* ‘коровье молоко’, которое у нас еще полвека назад должны были учить студенты, но *miruku* (*milk*) сейчас вытеснило его полностью.

Среди причин успеха гайрайго, по-видимому, наиболее важны две. Во-первых, на функционирование гайрайго влияет их бóльшая понятность на слух, особенно по сравнению с канго, среди которых много омонимов; часто это помогает им вытеснять синонимы иного происхождения. Во-вторых, распространению гайрайго способствует влияние американской

массовой культуры и глобализации. Постоянна ассоциация гайрайго с современностью и престижностью, а слов иного происхождения – с отсталостью и бедностью. В торговле, по выражению одного автора, гайрайго появляются там, где продают мечту [Sotoyama, 1993: 50]. Как писал видный социолингвист Сибата Такэси, для многих слово, пишущееся катаканой, обозначает хорошую вещь [Shibata, 1993: 20]. Человек, не употребляющий гайрайго, может выглядеть старомодным [Stanlaw, 2004: 268–269].

Конкуренция слов разного происхождения не обязательно означает вытеснение ваго и/или канго; близкие по значению слова могут сохраняться, поскольку их семантические расхождения могут оставаться актуальными. Часто разграничение идет по признаку «наличие – отсутствие связи с массовой культурой глобализации», в основном потребительской. Но в рекламе, где противопоставлялись автомобили вчерашнего и завтрашнего дня, *вчера* было обозначено обычным японским словом *kinoo*, а *завтра* – американизмом *toomoroo (tomorrow)* [Ibid.: 299]; см. также ресторан «toomoo», вывеску которого автор статьи видел в Токио. Новорожденный ребенок – *akachan*, но в рекламе товаров для новорожденных он будет *beebii (baby)* [Iwabuchi, 1993: 12]. Обычные японские товары, предлагаемые потребителю в новой расфасовке, могут именоваться с помощью гайрайго [Stanlaw, 2004: 203]. Это особенно часто наблюдается в торговле, но такие различия могут встретиться и в иных сферах жизни. *Грамматика* по-японски *bumproo* (канго), но японец в интервью, вспоминая свои уроки английского языка в школе, употребил слово *guramaa (grammar)* [Endoo, 1995: 13]. Современная японка не купит кофточку мышинного цвета (*nezumiiro*), но если назвать ее цвет *guree (grey)*, то к ней отнесутся иначе [Stanlaw, 2004: 208].

Еще пример, с которым мне пришлось столкнуться: японец, узнав, что я из СССР, рассказал, что он там не был, а вот его жена туда ездила, назвав ее *waifu (wife)*. В японском языке более десятка слов (ваго и канго) со значением ‘жена’; казалось бы, зачем еще слово? Но если речь идет о действиях, не сочетающихся с традиционными правилами женского поведения (например, если жена путешествует без мужа), то уместно именно *waifu*, а, скажем, не *kanai*, что буквально значит *внутри дома* (слово, правда, не употребляемое в отношении своей жены). Ср. указание на то, что японские местоимения второго лица, уместные, скажем, в обращении жены к мужу, трудно употребить по отношению к бой-френду, и современные японки могут обращаться к нему *уии (you)* [Ibid.: 105]. Тот же автор приводит слова японской женщины: ни одно из японских прощаний не передает идею прощания навсегда, поэтому лучше в таком случае сказать *goodbye* [Ibid.].

Слова класса гайрайго в большинстве своем тесно связаны со вкусами, привычками, ценностями, идущими из США. Один из часто обсуждаемых примеров – своеобразный

именной префикс *mai* из *my* ‘мой’ (он может иметь и значение ‘мой’, и значение ‘личный, частный’). Зафиксированы: *mai-kaa* ‘личный автомобиль’, *mai-hoomi* ‘частный дом’, *mai-peesu* ‘свой ритм, темп’, *mai-taun* ‘мой город’ и даже *mai-meguro* ‘мое Мэгуро’ (название пансиона в токийском районе Мэгуро) [Shibata, 1993: 20; Ekuni, 1993: 128]. Не всегда, но часто префикс по значению указывает на нахождение соответствующего предмета в сфере личной собственности говорящего. Подчеркивание идеи *privacy*, которая с трудом выражается средствами японского языка (как и русского)! Во внедрении этого префикса иностранные наблюдатели видят воспитание западного индивидуализма у японцев [Stanlaw, 2004: 18].

Отмечают удобство гайрайго для обозначения всего необычного [Ibid.: 238–239], создание с их помощью эффекта новизны, которая (в отличие от новых канго, до какой-то степени понятных благодаря иероглифам) не всегда предполагает понятность [Takiura, 2007: 9].

Синонимы могут разграничиваться не только с точки зрения наличия или отсутствия связи с культурой потребления, бывает и противопоставление по признаку «национальное – интернациональное» в чистом виде. В Японии львы не водятся, но животное издавна было известно, прежде всего благодаря пришедшему из Китая танцу льва (точнее, изображающего его человека) на буддийских праздниках, и именовалось *shishi* (канго). Но теперь *shishi* лишь танцует на праздниках, а хищник – *raion* (*lion*).

Впрочем, семантическая грань между гайрайго и близкими к ним по значениям ваго или канго может оказываться нечеткой. Японцы много веков употребляют в пищу рис (по-японски *meshi* или *gohan*), но сваренный по-европейски рис стал называться *raisu* (*rice*). Однако, по мнению Дж. Стенлоу, хотя слова *meshi* и *gohan* вполне употребительны, но рис, сваренный по-японски, может называться и *raisu*; другое традиционное различие – *gohan* обычно подают в чашках, а *raisu* на тарелках – сейчас тоже не всегда соблюдается, поэтому различия уже неясны [Stanlaw, 2004: 14–15]. Другой похожий пример – *midori* и *guriin* в обозначении зеленого цвета. Сибата Такэси указывал, что они, как правило, не могут заменяться одно на другое и не являются абсолютными синонимами. Сибата приходит к выводу: их различие не всегда соответствует различию по признаку «японский – иностранный». Листья и трава всегда *midori*, но искусственное травяное покрытие для гольфа – *guriin*, как и кофточка. То есть все естественное – *midori*, а искусственное, сделанное человеком – *guriin* [Shibata, 1993: 17–18]. Такая трактовка объясняет многие примеры. Но вот в телевизионной передаче о природе Окинавы показали маленькую тропическую ящерицу: природный объект, причем даже живущий в Японии. Но ее цвет был охарактеризован словом *guriin*! Так что скорее разница все же в культурных ассоциациях: все экзотическое (а Окинава для большинства японцев – не типичная Япония) и все явно связанное с западной культурой – скорее *guriin*.

Чуть ли не каждое английское слово может быть заимствовано в японский язык, хотя бы в составе сочетаний. Скажем, *language* ‘язык’ обычно не употребляется как отдельное слово, но *лингвистическая лаборатория* – *rangeeji-rabo* [Stanlaw, 2004: 79]; *овца* – *hitsuji*, но один из видов дикой овцы в надписи в зоопарке именуется *baabariishiipuu* (*barbarian sheep*). По выражению одного из авторов, мы имеем дело не столько с заимствованием в обычном смысле, сколько с абсорбцией японским языком английского словаря [Passin, 1980: 55]. Японский язык вбирает в себя (разумеется, потенциально) весь словарь английского языка так же, как когда-то вобрал весь словарь китайского языка [Ibid.: 63].

Немало сложных слов или словосочетаний, отсутствующих в английском языке, сконструировано в самой Японии из компонентов английского происхождения, при этом эти слова отсутствуют в английском языке: *noo-airon* ‘нет’ + ‘утюг’ = ‘изделие, которое нельзя гладить’, *noo-mai-kaa-dee* ‘нет’ + ‘мой’ + ‘автомобиль’ + ‘день’ = ‘день, когда не рекомендуется пользоваться личными автомобилями’.

Отмечу одну парадоксальную, на первый взгляд, ситуацию. Столь значительное число заимствований из английского языка, по крайней мере, до недавнего времени вовсе не означало, что японцы, даже хорошо знающие гайрайго, свободно владеют английским языком. Так было даже в 1990-е годы. Во время одного из международных исследований сравнивался уровень владения английским языком в 152 странах, и Япония оказалась на четвертом месте от конца, ниже Ирана, Индонезии и Эфиопии [Ноппа, 1995а: 58; Loveday, 1996: 99]. По данным Н. Готлиб, сходные результаты были получены и в 1998 г., когда Япония оказалась на 180 месте среди членов ООН и на последнем месте в Азии, и в 2001–2002 гг. [Gotlieb, 2005: 32, 70]. Впрочем, в последние годы в Японии преподавание английского языка на всех уровнях значительно увеличилось.

Итак, в японском языке, с одной стороны, гайрайго постоянно конкурируют с лексическими единицами иного происхождения; победа чаще остается за гайрайго. С другой стороны, гайрайго и канго/ваго обычно занимают в языке разные «ниши», что способствует устойчивости квазисинонимов, различающихся если не денотативным, то хотя бы коннотативным значением. Эти «ниши» начали формироваться более тысячелетия назад, когда японцы подверглись значительному влиянию Китая, в том числе в языковой области. После европеизации Японии заимствования из английского языка хорошо вписались в эту систему.

Литература

- Пильняк Б.А.* (1935) Камни и корни. М.
Ekuni Shigeru (1993) *Gairaigo ni tsuite* // *Gairaigo*. Tokyo.
Endoo Hachiroo (Ed.) (1995) *Nihonjin no eigo, gaikokujin no nihongo*. Tokyo.
Gottlieb, N. (2005) *Language and Society in Japan*. Cambridge.
Honna, N. (1995). *English in Japanese Society : Language within Society // Multilingual Japan*. Clevedon : Philadelphia : Adelaide.
Iwabuchi Etsutaroo (1993) *Gairaigo* // *Gairaigo*. Tokyo.
Loveday, L.J. (1996) *Language Contact in Japan : A Socio-Linguistic History*. Oxford. NHK-nempoo (1984). Tokyo.
Passin, H. (1980) *Japanese and the Japanese : Language and Culture Change*. Tokyo.
Shibata Takeshi (1993). *Gairaigo wa nihongo o midasu ka* // *Gairaigo*. Tokyo.
Sotoyama Shigehiko (1993). *Gairaigo o ukeireru shinri* // *Gairaigo*. Tokyo.
Stanlaw, J. (2004) *Japanese Language : Language and Culture Contact*. Hong Kong.
Takiura Masato (2007) *Koshoo no poraitonesu* // *Gengo*. No. 12.

Reference

- Ekuni Shigeru* (1993) *Gairaigo ni tsuite* [About gairaigo] // *Gairaigo*. Tokyo.
Endoo Hachiroo (ed.) (1995) *Nihonjin no eigo, gaikokujin no nihongo* [English of Japan people, Japanese of Foreigners]. Tokyo.
Gottlieb, N. (2005) *Language and Society in Japan*. Cambridge.
Honna, N. (1995). *English in Japanese Society : Language within Society // Multilingual Japan*. Clevedon : Philadelphia : Adelaide.
Iwabuchi Etsutaroo (1993) *Gairaigo* // *Gairaigo*. Tokyo .
Loveday, L.J. (1996) *Language Contact in Japan : A Socio-Linguistic History*. Oxford.
NHK-nempoo (1984) (Annual of NHK) Tokyo.
Passin, H. (1980) *Japanese and the Japanese : Language and Culture Change*. Tokyo.
Piljnjak B.A. (1935) *Kamni i korni* [Stones and Roots]. М.
Shibata Takeshi (1993). *Gairaigo wa nihongo o midasu ka* [Does the gairaigo spoil the Japanese language?] // *Gairaigo*. Tokyo.c
Sotoyama Shigehiko (1993). *Gairaigo o ukeireru shinri* [Soul taking gairaigo] // *Gairaigo*. Tokyo.
Stanlaw, J. (2004) *Japanese Language : Language and Culture Contact*. Hong Kong.
Takiura Masato (2007) *Koshoo no poraitonesu* [Difficulties because of politeness] // *Gengo*. No. 12.

Алпатов Владимир Михайлович – академик РАН, доктор филологических наук, профессор, руководитель сектора Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1
Эл. адрес: v-alpatov@iling-ran.ru

Для цитирования: *Алпатов В.М.* Американские синонимы в японском языке [Электронный ресурс] // *Социоллингвистика*. 2023, № 2 (14). С. 56–63 DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-56-63

For citation: *Alpatov, V.M.* American loan-words in Japan [online] // *Sociolinguistics*. 2023. No. 2 (14). Pp. 56–63. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-56-63